

● ● ● Прочитавши — как бы впервые — эти загустевающие тексты нашей переписки, я ощутил сугубую благодарность судьбе, Богу (но уж никак не случаю!) за эту Встречу — раз. И два: чувство несмолкаемой вины за то, что — когда это было и возможно и необходимо — не откликнулся — тут же! — на зов... Ну и третье, объединяющее эти два посыла: невозможность дотянуться до уровня небесной чистоты и прозрачности, которыми Валентин Яковлевич КУРБАТОВ обладал как данностью, изначально; не дотянуться — ни ТОГДА, когда он явственно был с нами, ни, тем паче, теперь, когда он, щурясь, поглядывает на нас ОТТУДА.

Коллеги верно сказали: «Русская литература потеряла кормчего. И русская культура в целом. [...] УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ КУРБАТОВ».

По-иному это «со-бытие» не воспринимается. Разве что сказать словами Сергея Аверинцева (на смерть А.Ф. Лосева): «Умер великий Пан...» Не шляхтенский, конечно, спесивый пан, а тот, который — античный, греческий, может быть, врубелевский — с тростниковой свирелью от нимфы Сиринги. Тот Пан, который (не только в восприятии древних орфиков) постепенно-неожиданно становится символом всеобщности, целостности Вселенной; а звук его свирели — выражением «музыки небесных сфер». Смерть заслуживает такого высокого пафоса, тем более что помимо «воодушевления» в пафосе кроется и «страдание». Наше страдание осиротелости. И выражение «умер великий Пан» означает не только смерть выдающегося человека, но и конец целой эпохи...

...однако, слава Богу, покуда еще не Конец Света. Валентин Яковлевич вряд ли одобрил бы черный креп наших стенаний и соболезнований. Поскольку Рождество Христово и Пасха Воскресения были (и остаются! мы ведь — о вечной жизни) свойством и сущностью его мудрого, не устающего (вовсе веков!) радоваться сердца. Последняя его весточка — накануне нынешнего Рождества:

«Эх, брат Георгий, как бы я спел сейчас у Вашего крыльца «Рождество Христово — ангел прилетел. Он летел по небу, тихо песню пел: “Вы, люди, ликуйте! Днесь все торжествуйте — Днесь Христово Рождество!”». Но Вы вона где и «между нами снега и снега...», а оно, сердце-то, слава Богу, пока проворнее поездов и самолетов, и можно р-раз — и обняться и опять сидеть рядышком и распутывать клубки мира, которые запутываются все изобретательнее, и уж скоро их без Господней помощи уже не распутаешь. И это узорочье все витиеватее и, видно, уже не обходится без ревнивого Художника, он же — Князь мира сего. Ну что ж, встанем в Красный угол и поверим, что если наберем веры с горчишное зерно, то и «возсия миру свет разума» и уже не затмится вовеки. И «звездам служащие» будут учиться Звездой, восшедшей над яслями. А мы рядышком на высоком месте между волком и ослом. Обнимаю. Пошли за Звездой!

Ваш беспокойный брат Валентин Курбатов.»

И я ему — в тот же день: «...Пошли за звездой! Такая радость! С Рождеством Христовым, дорогой брат! Я же когда молчу (виноват!) — я о Вас, Валентин Яковлевич, молчу, так уж получается... Вот, Христос уже нарождается...»

...Пятнадцать — без году — лет нашей дружбе, которые во многом уравнивали и смиряли мою мятущуюся душу. Особенно интенсивно «обмен энергиями» происходил у нас, повторюсь, накануне Рождества и Пасхи. Вот, десять лет тому, 31 декабря 2010 года:

«Дорогой брат Георгий! Оставили ли Вы наконец прошлогодние недуги? Светло ли Ваше сердце на новом пороге? А я вдруг догадался, что румяный дедушка Мороз с накрашенными свеклой щеками не кто иной, как переодетый старик Харон, который злорадно стучится раз в год у нашего порога: ну что? расслабились? думали, что так уж и будете сеять дни на камни да при пороге?»

А только он, дурачина, не знает, что у нас уж на пороге Рождество Христово, и когда он переправится на свой берег с новым «товаром», он увидит, что берег его опять пуст, а мы там — на берегу жизни. И опять — дети. Только бы нам помнить, как мы платим за наше детство. Старик Харон может не отчаиваться — он свой обол получит. И мы вернуться-то на берег жизни вернемся, да только на чердаке наш портрет, как у молодого старика Дориана Грея, день ото дня сморщивается и ветшает, покуда не достигнет нас, если мы не догадаемся, что «детство» и возвращение на берег жизни требует от души труда и труда.

С новым Годом! С Рождеством Христовым! Обнимемся перед вызовами времени, чтобы оно знало, что порознь — да, мы слабы, а вместе — мы еще постоим!

С любовью и страшной тоской от невозможности прямой переклички сердца и сердца (вы от письма к письму все роднее).

Ваш безродный брат Валентин Курбатов».

Не все мои «плетения словес» он принимал безоговорочно, но стихотворение, написанное к его сентябрьскому юбилею, Валентин Яковлевич принял «радостным сердцем», сказав, что Харон может и подождать со своим оболом...

СПАСИ ГОСПОДИ ЛЮДИ ТВОЯ

Валентину Курбатову

солнечный гравий шуршит под колёсами
медленно рушатся горы белёые
время пытается течь вспять
реки иссохли — не выплакать прошлого
слишком живого и может быть пошлого
память не в силах с колен встать
переполняя сердечной молитвою
звёздную чашу с житейской ловитвою
вольный Стрелец и невольный Сократ
так и стояли бы как в карауле
с праздною думкой о киндзмараули
как на повторе — хмелея стократ
в том настоящем которого нету
на киноплёнке вращая планету
сквозь целлулоид как птицы летят
сны и песчинки небесной шрапнели
у Страдивари — да и у Гварнери
гнёзда уключин певуче скрипят
в долгом плавучем житейском бараке
Свет обретая в Божественном мраке
струны как жилы басово гудят
впившись в плечо молодого Харона
плавится солнечная корона
души спасённых во тьму не глядят

29 (16) сентября 2019

Радости Царствия Небесного рабу Божию Валентину!
Господи, со святыми упокой!

*Юрий Кабанков, 10 апреля (28 марта) 2021,
Седмица 4-я Великого поста, Крестопоклонная.
Поминовение усопших.*

20.03.07

Здравствуйте, уважаемый Валентин Яковлевич!

Простите мое дерзновение, но это Елена Елагина убедительно настояла на том, что «было бы хорошо» послать Вам мою книгу «Одухотворение текста», что книга «придется ко двору» и мое обращение к Вам не будет выглядеть как тот гость, что хуже татарина. Был бы очень рад, если бы все оказалось так, как предполагает Елена.

Со своей стороны скажу, что я Ваш благодарный читатель и — очень надеюсь — единомышленник. Знаю Вас больше по периодике. А Вашу переписку с Виктором Петровичем Астафьевым прочел на одном дыхании.

Конечно же, мое душевное расположение к Вам не обязывает Вас принимать меня со всеми моими перьями и перепонками. Однако мне «само собой» приятно, что случай предоставил мне возможность преподнести Вам, как говорится, мой скромный труд, к коему присовокупляю еще и «Камни преткновенные», да еще и стихотворные — это уже по собственной инициативе.

Здоровья Вам. Простите за вторжение. Юрий Кабанков.

8.04.07

Дорогой (вот так сразу!) Юрий Николаевич!

Я получил и Ваши «Камни преткновенные», и «Одухотворение текста». Пока прочитал только «Камни». И подавленно замолчал. Как это мощно, властно, уверенно, духовно твердо и основательно. Подавленность моя легко объяснима. Я тоже дерзаю иногда писать на границе церкви и бедной нашей словесности, но хожу как по углям, боюсь матери церкви. А я еще по Византии поездил, к отцам Церкви наведалься и там наумничался. Умничал поневоле, потому что не сам ездил, а «меня возили», и надо было отрабатывать гостиничный стол и дорогу. А уж там, как в древнюю-то церковь уйдешь, там ведь и ереси вона какие. И все так тонки, что успеешь и донатистом побыть, и несторианцем, и арианцем. Никаких пощечин не хватит у нашего Святителя Николая, чтобы вразумить. Поэтому стараешься особенно-то не мудрствовать, а больше петушком-петушком да и домой, под крыло родного благочестия.

Образчик вот сейчас и приложу. Это последняя глава, написанная перед Постом после февральской поездки в Миры Ликийские. До этого вышла разошлась толстая пышная книжка с морем фотографий моего благодетеля о прежних поездках, так что тут многое отсылает туда. А все-таки, думаю, что все недуги тотчас и видны – бедное лукавство стиля, прячущее неведение. Я очень благодарен Елене Васильевне за знакомство с Вами. Очень жалею, что Вы так далеко, а то бы немедленно заманил к нам в Михайловское на Пушкинский праздник. А коли окажетесь поблизости (в Москве, Питере), то в Михайловском Вам будут рады. Там еще, слава Богу, высокую поэзию слышат и церкви не чуждаются.

А пока с радостью поздравляю Вас со светлым Христовым воскресением. «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя». Меня поражает эта исполненная света преисподняя и этот пустеющий ад. «Безмерное Твое благоутробие, адовыми узами содержимии зряще, к свету идяху, Христе, веселыми ногами, Пасху хваляще вечную». Мы ведь не райских селений в будущем жильцы, и каждый про себя это знает, и так вот отрадно получить утешение и поторопиться с амнистией, чтобы еще и не попав к месту назначения, уже «веселыми ногами» поспешить вон. Спасибо, дорогой (!) Юрий Николаевич! перекликнемся через всю Россию. Обнимемся.

Христос Воскресе!

Ваш Валентин Курбатов.

15.04.07

Дорогой (уж воистину!) Валентин Яковлевич! Воистину Воскресе!

Простите, что не сразу откликаюсь на столь ценное для меня письмо. Во-первых, был ошеломлен таким — скажу — благодатным Вашим ответом. Как следствие — поначалу оставлял «на сладкое»: вот, мол, утишится многозаботливая круговерть, и тогда с головой погружусь в эту зыбкую тишину письмослагания. Ан не тут-то было! Сам же написал когда-то: «Ужели, — думал я, — так беззащитны люди/от призрачных надежд, что каждому на блюде/повинен Ты нести ключи от врат Своих?» Но главное, наверно, не это. Как писал один монах, «недостойнство

безгласием связует язык». Тем более — после Вашего отзыва о «Камнях». Принимая Ваши слова за чистую монету (а по-другому Вас воспринимать не получится), — остолбенел, «в зобу дыханье сперло», — ну, не каркать же во все это самое горло! А по прочтении «Жития и жизни» и вовсе язык прикусил. Примеряю на себя (и мне впору) пушкинское «Нет ни в чем вам благодати,/С счастьем у вас разлад;/И прекрасны вы некстати,/И умны вы невпопад». Это я о своих «прозаических» текстах: там, где, в общем-то, проще пареной репы, я кружева из воздуха плету. Потому-то один товарищ в качестве дифирамба преподнес такое медово-едкое двустиише: «Читать всё это невозможно, но невозможно не читать». То есть читал бы, когда бы текст был ясен и прозрачен. Вам, к счастью, такая прозрачность дается: и кинематографическая зримость, и сопряжение далеко отстоящих друг от друга и времён, и понятий.

Одна моя студентка, которая пишет курсовую по иконографии святителя Николая, просила испросить вашего позволения использовать (цитировать) в своей работе кое-какие моменты Вашего «текста». Я же, со своей стороны, прошу о том же для себя.

В общем, подарок для меня бесценный. Я имею в виду не только (и даже столько) «тексты», сколько само Ваше существование (тем более греет, что не в белокаменной, а в «провинциальном Пескове»). Хотелось бы длить и «греть за пазухой» это ощущение. Обнимаю вас. Простите еще раз. Здоровья Вам, остального желать не буду.

Ваш Юрий Кабанков.

P.S. Прилагаю «Веселыми ногами» моего харьковского друга Станислава Минакова. Может быть, пусть и не скоро, образуется у Вас досуг, и Вы не спеша прочтете этот, на мой взгляд, замечательно православный текст.

20.04.07

Дорогой Юрий Николаевич!

Слава Богу, а то я уж думал, что у Вас адрес переменялся. Написал на всякий случай обычное (бумажное) письмо с тем же извинением за свое легкомыслие, особенно очевидное после прочтения книги «Одухотворение текста». Хотел было вначале

даже послать свою книжку «Перед вечером» (вариант «избранного», выпущенный в Пскове накануне 60-летия — сейчас мне 67), но после прочтения «Одухотворения» от смущения спрятал ее подальше с глаз долой, чтобы и самому не попадалась. А вот когда выйдет «турецкая», — пришло. Там тоже ересей и пустяков целый воз, но оттого, что материал географически далек, я более защищен, чем Минаков, пишущий о родных святынях (пока только начал читать и откладываю до более спокойной минуты).

Прибавлю сейчас только несколько страничек из этой будущей книжки о своем обосновании: зачем пускаешься в паломничество? Тут у нас с Минаковым побудительные причины разные. И одну главку «так» — «для чтения». Книжка выходит толстоватая и скучноватая, как, впрочем, все «путеводительские» книги — нельзя быть благочестивым двадцать четыре часа подряд. Прочитал, что Вы в одном из «воплощений» туляк. Попрошу Владимира Ильича Толстого пригласить Вас в этом году в сентябре на наши очередные Яснополянские Литературные встречи, которые прошли уже двенадцать раз.

Вдруг у него найдутся деньги. А то сам-то я ни за что до Владивостока не доеду — потребуется несколько моих пенсий, а у Толстого может выйти. Повидаться же очень хочется. Там мне нужна и «теологическая» поддержка — непременно каждый раз кто-нибудь затеет «прения» о Толстовском «отступничестве». А с текстом, который я послал Вам, делайте что хотите: пусть цитируют студенты, поют уличные нищие, переводят на цитатники китайцы и корейцы обеих Корей.

С сердечной благодарностью. Ваш В. Курбатов.

Продолжение следует.